УДК 840 М – 3.091

БИБЛЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В РОМАНЕ Ф. МОРИАКА «АГНЕЦ»

Мурач Л.А., к. пед. н., доцент, *Полежаева Н.А., преподаватель

Запорожский государственный университет
**Запорожский юридический институт МВД Украины*

Одной из особенностей рецепции библейской мифологии в литературе XX в. является обращение к библейским мифам и образам с целью создания на их основе творческой мифологии, соединяющей в себе как архаические наслоения прошлых культур, так и современный мир, современного человека с его философскими, нравственными исканиями.

У каждого исторического времени свои социально-экономические условия, свои идеалы, свои эстетические принципы. «Вечные» образы, сюжеты, мотивы, узнаваемые в новых интерпретациях, не копия, не слепок со своего предка. Сохраняя его гены, они становятся уже знаком иного времени, иной эпохи. А.Каменский справедливо назвал «перелицовку» архетипов «неповторимым повторением старых образов и сюжетов в соответствии с новыми историческими условиями» [3, 106].

Библейский миф, использованный Ф.Мориаком в романе “Агнец”, становится основой творческой мифологии писателя.

Уже самим названием романа “Агнец” Ф.Мориак несомненно обозначил эту связь с сюжетом и образом библейского Исаака, приносимого Авраамом в жертву Богу в знак беспредельной веры в него. Бог, не пожелавший принять бесценной жертвы Авраама, заменил Исаака жертвенным агнцем.

Этот сюжет в Библии имеет еще одну параллель, связанную с Иисусом Христом и повествующую о великой, искупительной жертве Бога, отдавшего на заклание своего Сына ради того, чтобы избавить все человечество от первородного греха, искупить кровью Христа все последующие грехи тех, кто познает Бога, впустит его в свое сердце и этим спасется. Библейский Христос молится в ночь накануне казни: “Отче мой! Если возможно, да минует меня чаша сия”. Он борется со страхом смерти и тоской оставленности небесным Отцом, словно обычный земной человек: “Боже мой, для чего ты меня оставил” [1, 1052].

Искупительная жертва Христа призвана была восстановить гармонию мира, нарушенную Евой в Эдемском саду.

“Агнец со связанными ногами”, - так называет главного героя романа Ксавье Дартижелонга его антипод Жан де Мирбель. Жизнь Ксавье – это еще одна попытка внести в мир гармонию проповедью добра. В характере героя достаточно отчетливо прослеживается библейское начало: та же идеальность, готовность жертвовать собой, то же излучение бескорыстного добра, обращенного к людям, что и в его отдаленной предтече – “единого безгрешного” с израненными ногами, с готовностью погибнуть за других людей.

Ф.Мориак в романе “Агнец” создает свой образ мира с его хронотипом. Сюжет романа Ф.Мориак строит как рассказ о скитаниях “взыскующей града” души. Используя библейский миф, своеобразно его интерпретируя и трансформируя, писатель подчиняет фабулу романа дидактической идее: Бог есть любовь.

Для Ксавье Дартижелонга, главного героя романа, Бог есть любовь и прежде всего любовь к ближним своим, не столько к родным, тем, кто связан с ним родственными узами, сколько к тем чужим людям, к которым он испытывает горячий интерес и ради которых готов «страдать и умереть».

Хотя писатель и весьма далек от морализаторства евангельской притчи, его роман – это все-таки духовное наставление современникам, разучившимся бескорыстно любить, ощущать через эту любовь, приближающую по Мориаку человека к Богу, истинный вкус к жизни.

Мифопоэтика, бесспорно, воздействует на поэтику романа Ф.Мориака, придавая ей колорит индивидуальности. Сюжет романа «Агнец» развивается стремительно: «Кажется, будто повествование вырывается наружу под давлением неистовых страстей, что автор охвачен нетерпением, почти исступлением» [4, 330]. Ксавье Дартижелонг входит в жизнь с безупречной верой, горячим интересом к другим людям с «ненасытным сердцем», «жаждой привязаться, страдать и умереть». Ксавье предстоит

пережить три попытки душевного подвига, три искушения проверить силу добра, переполняющего его изнутри. Уже с первых страниц романа писатель вводит своего героя в самую гущу событий. На перроне вокзала отправляющийся в семинарию главный герой романа встречается с Жаном де Мирбелем, антиподом, который и является первым искушением для героя на пути к добру, «искушением чужими». Из окна готового к отправлению поезда Ксавье видит на перроне прощающихся молодых мужчину и женщину. Писатель подчеркивает сверхъестественную, особенную проницательность героя: «Он замечал и понимал каждого встреченного им человека». Незнакомые люди завораживали его. Ведь только он один из всех пассажиров и провожающих обратил внимание на эту пару. Никто не замечал ничего особенного ни в этом молодом человеке, ни в провожающей его даме, молча стоявших у вагона. Ксавье, жертвуя своей будущей карьерой священника, самоотверженно, но не безраздумно бросается спасать Жана де Мирбеля, чтобы выполнить свою главную миссию. Эта миссия предназначена ему судьбой в жестоком, безнравственном, черством мире, где презирается все, даже святые узы семейных связей. Ксавье призван спасти человека от нелюбви, безверия, безнравственности силой своей любви, веры, духовности.

Мифологема судьбы как божьего провидения определяет жизненный путь героя, постоянно сталкивая его с людьми, которые нуждаются в нем.

От него, Ксавье, от его выбора (отправиться в семинарию или посетить дом де Мирбеля в Бордо, чтобы примирить поссорившихся и расстающихся супругов) зависит счастье и несчастье, судьба Жана де Мирбеля и его жены Мишель.

Проблема выбора, неоднажды возникающая перед героем, усиливает художественное осмысление истинных нравственных ценностей в противовес преходящим. Задумываясь над тем, что важнее: навсегда связать свою жизнь с официальной религией, далекой от истинного Бога, которого он любит и чувствует в себе, или спасти счастье, а может быть и жизнь двух чужих ему людей, - герой Ф.Мориака избирает позицию «искушения чужими» и тем самым обнаруживает жертвенный характер своего жизненного пути.

Тема благородного самопожертвования как одна из мифологем христианства, идущая от всем памятной Голгофы, становится сюжетным поворотом и фактом свободного выбора героя, основанного на понятиях сострадательной, действенной любви к людям, обязанности, идеи божества, моральной универсальности, жертвоприношения.

Мотив жертвы появляется в романе «Агнец» уже на первых страницах, но здесь он еще не связан с чем-то библейским, религиозным. Так реальная действительность грубо вторгается в хрупкий мир героя. Примечательно то, что автор называет точную реальную дату событий, происходящих в романе: 27 сентября 1921 года. Герою исполняется 22 года. «Война уже окончилась, когда настал его черед быть принесенным в жертву. А потом он заболел плевритом и его вообще освободили от военной службы» [2, 17]. Но уже скоро мотив жертвы переосмысливается, приобретая иное звучание, почти библейское: «… от него ждут другой жертвы, это он знал, знал всегда. Он закрыл глаза. О, это присутствие бога, о, эта уверенность! Его словно сжимала какая-то рука – он ощущал ее жгучее прикосновение так крепко, что у него прерывалось дыхание. Вероятно, она поведет его по пути, который он себе и вообразить не мог. Бог не имел лица, он был воплощен для него в лицах тех, кого Ксавье обожал, как ему казалось, со дня своего рождения, в этих миллионах Христов с темными и нежными глазами» [2, 18]. Фантазии героя и реальность переплетены в этом внутреннем монологе героя. Образ Христа, вернее «миллионов Христов», приобретает символическое наполнение, воспринимается как выражение неисчислимого страдания человека и бесконечной любви, того единственного абсолюта, к которому должен стремиться христианин в своем нравственном совершенствовании.

Современность в романе Ф.Мориака представлена не как господствующая над человеком какая-то чуждая внешняя сила, а как сотворенная им же цивилизация. И это мироощущение приобретает в романе драматическое, порой даже трагическое звучание. Буржуазное провинциальное общество Бордо – это та среда, которая сформировала героев романа, из которой они пытаются выбраться, но она постоянно напоминает о себе той поразительной атмосферой «взаимной ненависти, ревности, зависти, недобра, возникающих между самыми близкими по человеческим святцам людьми: родными, родственниками, родителями и детьми, мужем и женой. Будто какое-то проклятье висит над семьей, домом и родными Бордо… Сами собой вздыбливаются ураганные смерчи недобрых страстей, заставляя искать разгадку роковой власти зла, таящегося в человеческих душах».

Мессианская роль Ксавье в романе ощутима в каждом его поступке: и когда он пытается согреть своей любовью приемыша – подростка Ролана, страдающего от неласки взрослых, взявших его к себе в дом «вместо сына», но так и не преодолевших в себе эгоизм и самовлюбленность; и когда пытается вернуть изверившемуся священнику-скептику его растраченную веру.

Христианский миф, сталкиваясь с современностью, ярче обнаруживает самоотверженность, жертвенность героя.

Восхождением, подобным восхождению Христа на Голгофу, становится любовь Ксавье к маленькому Ролану, почувствовавшему собственную бесприютность во враждебном доме, который так и не стал ему родным. И на сей раз перед главным героем вновь возникает проблема выбора: что предпочесть – личное счастье, любовь к Доминике или одинокую бесприютность не по-детски недоверчивого Ролана. Выбор главного героя, с одной стороны, как бы предопределен самим предназначением, который Ксавье воспринимает как крест, как необходимость, с другой стороны, этот выбор выражает высшее удовлетворение героя, высшую меру добра, которая является не только реальностью сегодняшнего дня, но и направлена в будущее.

Как явное напоминание евангельской легенды воспринимается один из ключевых эпизодов романа. Ф.Мориак описывает физические страдания Ксавье. Герой с окровавленными ногами ступает босой по острым камням сада, взвалив на себя, как крест, тяжелую лестницу, чтобы по ней забраться через окно к запертому в библиотеке Ролану. Соединение мифологического и натуралистически-бытового в романе вовсе не преуменьшает значительности того, что собирается осуществить герой, посвятивший себя служению людям, а, напротив, делает его жертвенность по-человечески объяснимой и потому еще более высокой.

Очевидной в романе выступает параллель Иисус Христос–Ксавье. Но обращение к христианскому мифу становится лишь способом размышления над современными автору проблемами: как победить в окружающем мире, людях зло, зависть, ревность, непонимание друг друга. Вера и подвиг Христа становятся для Ксавье смыслом жизни, его стезей. Ксавье оставляет карьеру будущего священника ради того, чтобы спасти счастье конкретного человека, с которым сталкивается в первые же минуты самостоятельной жизни.

Помимо художественного переосмысления библейских мотивов и сюжетов в романе Ф.Мориака встречается и прямое использование библейской притчи. Ксавье, пытаясь заронить в душу обиженного, постоянно униженного мальчика Ролана зерно любви к ближним своим, рассказывает ему библейскую историю Иосифа, преданного братьями и проданного в рабство, но не ожесточившегося и не помнящего зла. Тем самым герой преподносит подростку урок всепрощения и всепобеждающего человеколюбия: «… как видишь, несмотря на это, он их любил. Он был полон любви к ним, его убийцам, и этим он походил на Иисуса, приход которого он предвосхитил на семнадцать веков» [2, 57]. Использование библейской притчи, подчеркивая дидактическое начало романа, вместе с тем усиливает авторскую мысль о возможности побороть зло в современном мире силой добра, силой воодушевляющего примера, воззванием к совести.

Широко использован в романе и библейский мотив искушения. Как Иисус, отправившийся в пустыню на сорок дней помолиться Богу, был искушаем дьяволом, обещающим ему все царства на земле, так и герой романа Ф.Мориака испытывает на себе постоянные искушения. И последнее искушение, которому он подвергается, столкнувшись с верующим лишь по профессии священником, это искушение его безверием.

Священник оставляет веру лишь слабым натурам и простакам. Результат, к которому он пришел после стольких лет служения Богу, ошеломляет Ксавье: «Можно любить того, кто умер почти две тысячи лет назад, это правда. Я – тому доказательство, я и многие другие. Но как он меня обманул, как он нас всех обманывает из века в век. Я столько молился, я столько молил! В вашем возрасте сам задаешь вопросы и сам же на них отвечаешь, а кажется, что это говорит Бог. Еще не знаешь, что надеяться не на кого» [2, 110-111].

Священник, утративший веру, в теологическом споре с Ксавье утверждает, что «жертвовать собой, спасая отдельных людей, значит зря прожить свою жизнь, что важна только судьба класса в целом, что нельзя спасать человечество в розницу…» [2, 113]. Однако безверие священника не поколебало веры Ксавье. Многочисленные искушения в романе, как и в библейской мифологии, ярче выявляют истинное и ложное, вечное и преходящее, доброе и злое, дают возможность автору глубже раскрыть силу духа юного героя, который бескорыстно несет в мир добро.

Автор романа последовательно утверждает дорогую ему мысль о том, что верить в Бога, любить его – это прежде всего наполнять свою душу любовью к ближнему своему, любовью к добру. Ксавье обращается к разуверившемуся священнику со словами: «Я пришел, чтобы помочь вам нести ваш крест… а может, чтобы понести его вместо вас» [2, 105].

Мифологемы жизни и смерти в романе приобретают своеобразное звучание, обусловленное в значительной степени христианскими идеями. Жертвенной была жизнь Ксавье, отдавшего себя людям, взявшего на себя миссию, равную той, которая была по плечу только богочеловеку. Но если нельзя проповедью, жизнью своей изменить существующий мир, то, может быть, ценой собственной жизни можно спасти его. Ведь если умереть во имя любви – можно воскреснуть в душах других людей.

Жизнь Ксавье продолжается и после смерти, он воскресает в душах тех, кто задумался о его жизни, о его самоотверженной любви только после смерти героя. Муки совести, которые испытывает Жан де Мирбель, и тот душевный переворот, который назревает в нем (в конце романа мы находим его молящимся коленопреклонно), - пусть иллюзорная, но все-таки надежда на то, что мир может быть изменен к лучшему.

Библейский миф, использованный Ф.Мориаком в романе, становится способом раскрытия современной писателю действительности, приобретает новое символическое звучание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. – М.: Российское библейское общество, 1995. – 1369 с.
2. Мориак Ф. Агнец. – М.: Известия, 1983. – 127 с.
3. Каменский А. О смысле художественной традиции. Критерии и суждения в искусствоведении. – М.: Правда, 1986. – 345 с.
4. Стеблин-Коменский М. Миф. – Л.: Знамя, 1976. – 292 с.